

“От сумы да от тюрьмы не зарекайся”, — предупреждает русская пословица. И хотя обыватель не любит вникать в юридическую конкретику материалов предварительного следствия и судебных заседаний, каждому следовало бы помнить народную мудрость и с должным вниманием относиться хотя бы к самым громким процессам. К их числу, бесспорно, относится суд над Даниилом Константиновым.

Напомню: сын народного депутата России Ильи Константинова — начинающий, но уже получивший известность политик Даниил Константинов был обвинён в убийстве некоего А. Темникова. Защита молодого националиста представила неопровержимое алиби: в момент совершения преступления Константинов находился в ресторане на дне рождения матери. Этот факт подтверждают многочисленные свидетели, а также фотоматериалы. Однако 22 марта 2012 года Константинов был задержан и до сих пор находится в заключении.

Случай столь вопиющий, что он привлёк внимание широкой общественности. В защиту Даниила выступили видные политики, одним из его адвокатов стал Сергей Бабурин, известный юрист, в прошлом — вице-спикер Госдумы.

В конечном счёте, суд вынужден был прислушаться к доводам защиты. Дело Константинова было возвращено в прокуратуру для дальнейшего расследования. Однако молодой политик до сих пор остаётся за решёткой. И, разумеется, госслужащим и в голову не приходит принести ему извинения за облыжные обвинения и 20 месяцев, вычеркнутых из жизни.

Считая этот случай общественно значимым, редакция публикует выступление С. Н. Бабурина на судебном заседании 16 декабря 2013 года.

Александр Казинцев

СЕРГЕЙ БАБУРИН

О ДЕЛЕ ДАНИИЛА КОНСТАНТИНОВА

Месть — это постыдно. Однако её следует отличать от возмездия. Именно о возмездии думаешь, сталкиваясь с проявлением современного государственного произвола, мечтаешь, чтобы ничто не осталось безнаказанным.

Отдельно хочу это обосновать на деле сына моего давнего соратника, народного депутата России И. В. Константинова Даниила.

16 декабря 2013 года я выступил по делу Д. Константинова в Чертановском суде в прениях. Ввиду значимости проблем приведу текст своего выступления:

“Высокий Суд! Уважаемые представители сторон! Высокоцитируемая публика!

Обстоятельные выступления моих коллег, также осуществляющих защиту Константинова Д. И., во многом облегчили мне задачу. В завершение выступлений со стороны защиты я остановлюсь на двух ключевых, итоговых вопросах:

1. Кто такой Константинов Даниил Ильич?

2. Почему Константинов Даниил Ильич находится уже более полутора лет под стражей и обвиняется в совершении уголовного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, откуда взялась и куда делась ч. 2 ст. 296 УК РФ, по которой он также ранее обвинялся?

Начнём с характеристики личности обвиняемого.

Даниил Ильич Константинов родился 5 февраля 1984 года в городе Ленинграде, имеет высшее юридическое образование. Женат, примерный семьянин. В момент ареста работал генеральным директором ООО «Юрпрефект», ранее не только не судим, но имеет репутацию убеждённого борца с преступностью.

Как портрет Д. И. Константинова нарисован в обвинительном заключении?

Человек, убивший несчастного А. Н. Темникова, действовал, по мнению следствия, очень расчётливо. Находясь в общественном месте, он, используя незначительный повод, выразившийся во внешнем виде погибшего, стремясь унижить человеческое достоинство последнего, подошёл к Темникову и присутствию посторонних лиц – пешеходов, как уверяет единственный свидетель этой сцены Софронов, плюнул Темникову на куртку, спровоцировав ссору, переросшую, к радости нападавшего, в обоюдную драку. В ходе драки этот будущий убийца, «осознавая противоправность своих действий, действуя дерзко и агрессивно, пользуясь своим физическим, моральным превосходством и пренебрежительным отношением к человеческой жизни вообще, безотносительно к личности потерпевшего, нанёс Темникову А. Н. множественные – не менее семи – ударов руками и ногами в область головы и туловища». Затем, реализуя внезапно возникший умысел на убийство случайно ему встретившегося Темникова, обвиняемый достал имевшийся при нём, по мнению следствия, неустановленный нож и, стремясь умышленно причинить смерть потерпевшему, догнал его на улице, напротив корпуса 6 дома 1 по ул. Газопровод, «в ходе драки нанёс ему не менее двух ударов ножом в область расположения жизненно важных органов». Осознавая, что потерпевший убит, убийца, по версии следствия, с места происшествия скрылся.

Привожу все эти выдержки из обвинительного заключения не для констатации противоречий следствия (к ним я ещё вернусь), а для демонстрации предъявленного нам портрета убийцы: жесток, вспыльчив, пренебрежительно относится к человеческому достоинству и человеческой жизни, способен публично не только затеять драку, но даже задумать и убить человека.

Конечно, в речи обвинителей 13 декабря 2013 года личность обвиняемого, а с нею и мотив убийства исчезли полностью, стало: «увидел, подошёл, убил». Тем более важно оценить, почему обвинение после судебного следствия предпочло забыть о заявленном изначально мотиве убийства.

Какое отношение характеристика убийцы из обвинительного заключения имеет к нашему подзащитному, Константинову Даниилу Ильичу? Убеждён: никакого! И доказательства этого имеются в материалах уголовного дела, представлены в ходе судебного следствия.

Исключительно положительные характеристики на обвиняемого даны всеми, кто только имел или имеет отношение к его жизни:

– родителями и женой, которые и в судебном заседании подтвердили свои отзывы об обвиняемом как об исключительно интеллигентном и образованном, вежливом даже в моменты споров человеке;

– с места учёбы – от руководства факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ: «В период учёбы зарекомендовал себя способным, дисциплинированным и прилежным студентом... Проявил себя как исполнительный и добросовестный аспирант, обладающий неординарным аналитическим мышлением... Константинов Даниил Ильич зарекомендовал себя воспитанным, доброжелательным, уравновешенным и культурным человеком, пользующимся в коллективе заслуженным авторитетом» (т. 7, л. д. 292);

– с места регистрации от соседей и от уполномоченной компании ООО «Д. В. Групп» подтверждено, что за все годы проживания на ул. Академика Королева, а это более 20 лет жизни обвиняемого, жалоб от жителей или сведений о нарушениях общественного порядка не поступало. По отзывам местных жителей, с соседями вежлив и доброжелателен, с 1996 года (то есть с момента начала проживания) и по настоящее время ни с кем не конфликтовал, в состоянии опьянения замечен не был, общественный порядок не нарушал.

Замечу, что среди лиц, подписавших отзыв от жильцов дома, есть государственные служащие и депутаты российского Парламента (т. 7, л. д. 291, 293, 234). Представить, что Д. Константинов многие годы втайне от родных, друзей и соседей ездит в другой конец Москвы, чтобы там издеваться над людьми, бить и убивать прохожих, как это предлагает нам следствие, можно только при больном воображении – никаких оснований для этого в деле нет;

– от руководства политической партии “Справедливая Россия”, в которой Даниил Константинов состоял в 2007–2008 годах. Подчёркивается, что являясь руководителем молодёжной организации партии “Справедливая Россия” в СВАО, Д. Константинов зарекомендовал себя эрудированным, коммуникабельным, законопослушным человеком с активной гражданской позицией. За доброту, честность и открытость характера, дружелюбие и профессионализм пользовался заслуженным уважением товарищей. В своей политической деятельности всегда руководствовался принципами гуманизма, ненасилия и человеческой солидарности. Склонности к агрессии и экстремизму никогда не проявлял (т. 8, л. д. 200);

– из Координационного совета оппозиции, в котором Д. Константинов состоял и состоит, являясь одним из организаторов и активных участников протестных действий (т. 12, л. д. 20).

Ответ на требование в оперативно-справочный отдел свидетельствует, что Константинов Д. И. к уголовной ответственности никогда не привлекался (т. 10, л. д. 95–97).

Даже то, что Даниил Ильич страдает многими хроническими заболеваниями, в том числе заболеваниями позвоночника (остеохондрозом) и сердечно-сосудистой системы (подтверждающие медицинские документы, в том числе справка о вызове “скорой помощи” Константинову в ходе судебного заседания 01 ноября 2012 года в деле имеются – т. 8, л. д. 114–120, 155–161, 165, 200; из СИЗО – т. 10, л. д. 197), не сделало его даже при реальном следственном произволе озлобленным или истеричным. Не считать же за преступление или истерику его слова в адрес следователя Звонкова и свидетеля А. Софронова: “Вы ответите за фальсификацию уголовного дела!”

В судебном заседании защитником Д. В. Динзе приобщено к материалам уголовного дела заключение специалиста-психолога Рубашного, бывшего сотрудника системы ФСИН, касательно Даниила Константинова, в соответствии с которым Константинов обнаруживает уровни агрессии ниже среднего. Специалист Рубашный был допрошен в судебном заседании 05.12.2013 и полностью подтвердил ранее сделанные выводы.

Людьми, характеризующими Даниила Константинова как вдумчивого и спокойного человека, исключаящего в человеческих отношениях насилие даже по политическим причинам, тем более избегающего насилия в повседневной жизни, стали многие известные общественные деятели, просто соседи или друзья семьи. Они, встречавшиеся с ним в самых разных ситуациях, уверены в его невиновности, говорят, что Даниил – человек спокойный, не склонный к насилию, придерживающийся мирных методов решения конфликтов и политической борьбы. Практикующий юрист. Умеренный националист, национал-демократ. Никогда не высказывал ненависти к панкам или просто к людям с другими взглядами и вкусами, к представителям других национальностей. Никогда не носил ножей. Напомню имена этих людей, допрошенных в судебных заседаниях 17.06.13 и 26.11.13 в связи с готовностью выступить в качестве поручителей при решении вопроса об изменении меры пресечения Константинову и давших ему самую положительную характеристику:

Глов Сергей Александрович – научный руководитель Д. И. Константинова в РГСУ, доктор юридических наук, профессор, депутат российского Парламента четырех созывов;

Горбунова Алла Игоревна – друг и соратник, одна из лидеров молодёжного политического движения;

Гудков Дмитрий Геннадьевич – депутат Государственной Думы ФС РФ, лидер Движения молодых социалистов России;

Жмуров Василий Владимирович – друг и соратник Д. Константинова;

Касенов Дамир – его друг и партнёр по юридическому бизнесу;

Навальный Алексей Анатольевич – один из лидеров российской политической оппозиции;

Милов Владимир Станиславович – лидер партии “Демократический выбор”;

Мосафир Рустам Саламович – друг, кстати говоря, единственный человек, объяснивший в судебном заседании, кто такие панки. Желаящим понять стало очевидно, что свидетель Софронов и покойный Темников к панкам в 2011 году, по крайней мере, никакого отношения не имели;

Каретникова Анна Георгиевна – член Общественной наблюдательной комиссии по контролю за тюрьмами;

Сенчин Роман Валерьевич – российский писатель;

Емельянова Елизавета Анатольевна – российский литератор, поэт;

Холмогорова Наталия Леонидовна – руководитель правозащитной организации РОД;

Пионтковский Андрей Андреевич – научный работник, политик, публицист;

Приходько Алексей Александрович – муниципальный депутат, журналист.

Я не просто перечисляю имена людей, давших положительную характеристику Д. И. Константинову, – я хочу этим перечислением подчеркнуть, что о нём с теплом и уважением отзываются люди разного возраста, разных политических взглядов и социального положения. Это и

Витухновская Алина Александровна – известная поэтесса, писатель, журналист;

Давидис Сергей Константинович – юрист, социолог, правозащитник;

Сорокин Николай Олегович – директор Института проблем саморегулирования;

Павлов Евгений Александрович – друг семьи Константиновых, член Совета Федерации ФС РФ первого созыва;

Фёдоров Георгий Владимирович – член Общественной палаты РФ;

Иванников Олег Владимирович – пенсионер МВД, полковник;

Рохлина Елена Львовна – активист правозащитного движения.

Материалов, характеризующих Константинова Д. И. негативно, следствием не представлено. Вся его характеристика, содержащаяся в обвинительном заключении, не подтверждена ничем, кроме путаных показаний свидетеля Софронова, к которым я ещё вернусь.

Другие материалы, собранные обвинением, прямо подтверждают показания свидетелей защиты.

Вывод из материалов, имеющихся в деле, однозначен: Даниил Ильич Константинов – абсолютно законопослушный гражданин Российской Федерации с активной жизненной позицией. Он соблюдает законы сам и добивается, чтобы законы в нашем обществе соблюдали все, в том числе государственные руководители любого уровня. Такие люди, как он, – гордость, опора и надежда любого государства.

А теперь пришло время сформулировать ответ на вопрос, почему Константинов Даниил Ильич находится уже более полутора лет под стражей и обвиняется в совершении уголовного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, откуда взялась и куда впоследствии делась ч. 2 ст. 296 УК РФ, по которой он также ранее обвинялся?

В интервью, размещённом на сайте “Русская Платформа” 24 сентября 2011 года, включённом в расшифрованные материалы ГУПЭ МВД РФ (т. 10, л. д. 105), на вопрос о целях организации “Лига Оборона Москвы” Д. Константинов отвечает: “Цель проста – образование мощного русского противовеса в Москве, который не будет позволять властям в национальном вопросе не учитывать мнение коренного большинства. У нас много планов и идей, как и каким образом добиться этого”.

С точки зрения права Константинов излагает намерение обратиться к таким методам борьбы, как проведение шествия на основании поданной в мэрию заявки, организация городского референдума по вопросу строительства мечетей, отрицает немусульманский характер движения, подчёркивая, что Лига только против демонстративного исламизма (т. 10, л. д. 110–112).

Безупречное следование духу и букве законов!

Но хочу сказать и с точки зрения политической: а не из-за этой ли активной гражданской позиции, в том числе планов организовать общегородской референдум по болезненному для москвичей вопросу строительства мечетей, и развернулось под видом уголовного чисто политическое преследование Константинова?

Говорю об этом с печалью, потому что так хочется жить в стране, где соблюдаются законы и торжествует справедливость!

Речь идёт о прямом преследовании Д. И. Константинова за его принципиально либеральные и национально-патриотические убеждения. Этот вывод основывается на следующих материалах уголовного дела.

1. Для Д. И. Константинова драматическая эпопея началась ещё в ночь с 5 на 6 декабря 2011 года, когда он был задержан после участия в массовой акции в Москве “За честные выборы”. Из камеры предварительного заключения ОМВД России района “Тверской”, в которой он находился вместе с другими задержанными, его в полночь доставили на беседу с неизвестным мужчиной, представившимся сотрудником Центра по противодействию экстремизму Маркиным, который стал угрожать ему неприятностями за занятия политической деятельностью и склонять к сотрудничеству в качестве секретного осведомителя. Д. Константинов решительно отказался. Демонстрируя свои возможности, его собеседник гордо бросил фразу: “Я тот, кто вывозил из России нацбола Абеля” (партийная кличка одного из лидеров НБП Линдермана Владимира Ильича). Константинову было сказано, что за отказ сотрудничать он сядет в тюрьму надолго.

Вернувшись в камеру, Д. Константинов рассказал о состоявшемся разговоре сокамерникам Мангушеву И. Л. и Коротичу Е. В.

Допрошенные по уголовному делу свидетели Мангушев И. Л. и Коротич Е. В. подтвердили показания Д. И. Константинова.

Через три месяца, в начале марта 2012 года через интернет от знакомого по политическим акциям Феоктистова Д. В. Д. И. Константинову стало известно, что сотрудники ФСБ интересуются его политической деятельностью и подозревают Константинова и нескольких других участников акции 1 октября 2011 года – марша против этнопреступности – в совершении тяжкого преступления, а именно в участии в драке со смертельным исходом.

22 марта 2012 года в квартиру Д. Константинова ворвались работники спецслужб и, задержав его фактически в 10:00, подвергнув после этого унижениям и запугиванию, лишь в 16:25 доставили его в ОВД Чертановского района.

Заявление Д. И. Константинова о его политическом преследовании сделано им на первом же допросе в качестве подозреваемого.

Как следствие избавилось от необходимости учитывать возможную политическую причину уголовного преследования Д. Константинова? Очень просто. Выделило материал в отдельное производство, направило в СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве и приобщило к делу полученное оттуда решение об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Д. Константинова. Кто бы сомневался! Но “уши” политического заказа торчат из уголовного дела Д. И. Константинова очень сильно, да их и не особо прикрывают.

2. О том, что уголовное дело в отношении Д. И. Константинова имеет чётко выраженную политическую направленность, свидетельствуют вполне конкретная нацеленность приобщённых материалов допросов ряда свидетелей.

Феоктистов Дмитрий Вениаминович был допрошен 12.03.12 о совместных политических акциях с Д. Константиновым. Ему предъявили несколько оперативных снимков с марша 1.10.11 против этнопреступности, среди сфотографированных лиц он опознал Д. Константинова (т. 2, л. д. 14–15). После опознания Феоктистов допрашивался о партии “Новая Сила”, о движении “Русский Гражданский Союз”, занимающемся организацией митингов и демонстраций, о Д. Константинове, который как лидер “Лиги Оборона Москвы” участвует в этих акциях. Феоктистова всё время пытались вывести на разговор о боевиках, но он пояснил, что если Константиновым и организовывалась охрана мероприятий, то только для поддержания порядка.

15.06.12 года последовал дополнительный допрос Феоктистова. Свидетель показал, что ещё в середине февраля 2012 года был приглашён в здание полиции, сотрудники ЦПЭ УВД по ЮВАО предупредили его о недопустимости экстремистских действий в период президентской избирательной кампании. Что для нас важно: Феоктистову не просто предъявили для опознания 4–5 фотографий и фотороботы, спросив, не Константинов ли изображён на одном из них (один был похож). Главное – сотрудник УР показал ему на фоторобот молодого человека в капюшоне, сказав, что он-то и есть основной подозреваемый в убийстве. Напоминаю, это было в середине февраля 2012 года.

Интересны вопросы по поводу рассекреченных записей прослушки телефонных разговоров. “Что именно вы имели в виду, говоря о национализме? Кто такие Костя, Милитарев, Мангушев?” И вновь следствию объясняли, что среди националистов обсуждается необходимость уходить от этнической составляющей национальной идеологии и переходить на гражданскую тематику общественно-политической работы (т. 2, л. д. 31, 32).

26 апреля 2012 года следователь допросил в качестве свидетеля Фёдорова Виктора Викторовича, 15 июня его допросили повторно. Кто интересуется следствием? Константинов, Феоктистов, Владимир Тор.

А имеющиеся в материалах дела данные ГУПЭ МВД РФ? Сведения о лицах, входящих в круг общения, составляют 24 страницы убористого текста (т. 10, л. д. 100–123).

Меня лично заинтересовало, почему в части, касающейся Бабурина С. Н., с каким-то недобрым оттенком особо оговорено, что я последовательный сторонник объединения с Белоруссией. Может быть, я чего-то не знаю, и стремиться к объединению с Белоруссией уже является антигосударственной деятельностью?

Это чудо, что преступление 3.12.11 года вообще не сделали умышленным деянием группы лидеров русского национально-патриотического движения. Помешала славянская национальность погибшего, да и алиби, очевидно, оказались у всех. Но алиби Д. Константинова решили принести в жертву.

3. Ярким показателем политического заказа и изменения этого заказа в течение декабря 2011 – февраля 2012 года могут служить меняющиеся показания единственного свидетеля обвинения, находившегося на месте преступления, А. А. Софронова. Не буду повторять анализ этих показаний Софронова, проделанный адвокатом В. П. Шкредом, речь пойдёт только о динамике показаний свидетеля.

А. Софронов называет себя близким другом убитого Темникова, что, однако, не было подтверждено в судебном заседании отцом погибшего. Следствие вообще не рассматривало версий, что Темников и Софронов вступили в конфликт с лицами, с которыми у них первоначально могли решаться некие деловые вопросы. Отдельные свидетели видели только конец истории. Началом не видел никто, оно предстаёт лишь в виде менявшегося в принципиальных деталях сказания в исполнении Софронова. Сценарий и режиссура сказания – на совести талантов, оставшихся для нас всех в тени.

То, как менялись показания свидетеля Софронова, очень чётко укладывается в этапы шантажа в отношении Д. И. Константинова.

Протокол допроса 04.12.11 года. Свидетель Софронов дал показания об обстоятельствах дела. На него и А. Н. Темникова напали, он убежал, о том, что Темников погиб, узнал позднее от лиц, оказывавших ему медицинскую помощь. Увидел он Темникова после своего бегства уже только мёртвым.

Убеждён, это самый точный протокол допроса и самые искренние показания Софронова. Он составляет фоторобота двух человек, которые его избивали. 15.12.11 года Софронова допрашивают второй раз.

Проходят два месяца, к работникам уголовного розыска плотно присоединяются своим расследованием ГУПЭ МВД России и Управление “М” ФСБ РФ.

04.02.12 года свидетеля Софронова допрашивают вновь. В присутствии понятых он уверенно по фотографии опознаёт Константинова как человека со своего фоторобота, в компании которого был кто-то, убивший Темникова. Константинов, по уверенным, подчёркивается в протоколе, показаниям Софронова, был на месте преступления и избивал его, Софронова. Протокол Софроновым был прочитан лично, замечания к нему у Софронова отсутствовали (т. 2, л. д. 4, 5).

Мы с вами помним, что и при допросе в суде Софронов, объясняя, почему фоторобота два и кто на них изображён, первоначально повторил эту версию, но запутался при объяснениях, что же делал Константинов, бил его или убивал Темникова.

Кого-то устраивал в начале февраля 2012 года вариант сделать из молодого и перспективного политического лидера Д. Константинова заурядного хулигана. Но Константинов, узнавший от Феоктистова о намерении российских спецслужб включить его фигурантом в какое-либо уголовное дело, вместо того, чтобы испугаться и навеки спрятаться, продолжил свою политическую

кую деятельность и стал публично рассказывать о попытке его завербовать в опсведомители ФСБ.

Вернёмся к А. А. Софронову.

21.03.12 года оформлен протокол следующего допроса свидетеля Софронова. На этот раз свидетель уже утверждает, что Константинов избивал не его, а Темникова, и он, Софронов, видел в его руке “блестящий предмет”.

Уже на другое утро, в 10:00 22.03.12 года дома задерживается Д. Константинов. Его подвергают запугиванию до 16:25, после чего доставляют в ОВД и тут же оформляют повторное опознание (что не предусмотрено УПК) и очную ставку Софронова с Константиновым. Протокол повторного опознания аккуратно отпечатан, в том числе данные и показания Софронова, что “когда лицо № 3 и Темников побежали на улицу, я увидел в его руке нож”. Константинов на обороте протокола опознания написал заявление, что на свидетеля оказывалось давление, он фактически не назвал номера, под которым опознал Константинова, даже не взглянул в его сторону (т. 3, л. д. 11–14).

В протоколе очной ставки свидетель также заявляет, что видел не только драку Константинова с Темниковым, но и то, как Константинов замахнулся ножом на Темникова. Примечательно, что Д. Константинов и адвокат О. Михалкина отказались подписать протокол очной ставки.

Действительно, взгляните на протокол очной ставки, Ваша честь! В нём отпечатаны Ф. И. О. и паспортные данные бессменных понятых по делу Константинова, Векина и Российского (они, действительно, фигурируют во многих протоколах дела). Напечатан ответ Д. Константинова о том, что свидетеля он не знает, раньше не видел, неприязненных отношений с ним не имеет. А вот Ф. И. О. адвоката О. Михалкиной вписано в протокол от руки – очевидно, следователь не знал заранее, кто из адвокатов подъедет на опознание, а то и вообще рассчитывал обойтись без адвоката.

С полным на то основанием адвокат О. Михалкина записала на протоколе очной ставки: “Данный протокол очной ставки является сфабрикованным. Мой подзащитный на вопросы следователя отвечать отказался, в том числе на вопрос о том, знает ли он Софронова А. А. Сведения следователь записывал самостоятельно, Софронов А. А. того, что написано в протоколе очной ставки, следователю не сообщал” (т. 3, л. д. 37).

Именно тем, что обвиняемый и его адвокат поймали следователя Звонкова С. А. на фальсификации, указали на злоупотребление следователя служебным положением, и следует объяснить немедленное заявление Звонкова об угрозах в его адрес, о реальности угроз в адрес следователя и свидетеля. Против Константинова тут же возбуждается дело по ч. 2 ст. 296 УК РФ (угроза в связи с осуществлением предварительного следствия). Впоследствии в этой части обвинение снято, дело прекращено, но сделано это было не из гуманизма и соответствия закону, а из-за нежелания как допрашивать по этому эпизоду О. Михалкину, так и направлять дело Д. Константинова в суд присяжных (чему служит и переквалификация с ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ). Театр абсурда с якобы угрозами Константинова сыграл свою роль: даже мы с вами в судебном заседании не стали обращать особого внимания на явно сфабрикованный протокол очной ставки.

Вот теперь заказчики уголовного преследования Д. И. Константинова могли быть довольны: из ординарного хулигана следователи его подняли до злобного и циничного убийцы.

Остались без ответа вопросы, как свидетель Софронов, находящийся с марта 2012 года под государственной охраной, сумел за этот период совершить несколько краж и быть дважды осуждённым. Что делала его государственная охрана? Что – стояла на стрёме? И почему во второй раз приговор в нарушение УПК вынесен вновь условно? За готовность дать любые показания по делу Д. Константинова? Наверняка!

4. О политическом характере уголовного дела свидетельствуют многочисленные небрежности и фальсификации материалов уголовного дела Д. Константинова.

Обвинительное заключение прямо противоречит показаниям свидетеля Софронова в суде. Исчезновение важнейших вещественных доказательств – изъятых вещей погибшего А. Темникова (телефона, фотоаппарата, рюкзака), исследование которых могло дать, а может быть, и дало доказательства непричастности Д. Константинова к убийству, не может считаться случайным. Это – один из ключевых моментов фальсификации материалов уголовного дела.

Предварительным следствием материалы, касающиеся Д. Константинова, подбирались предвзято, интерпретируясь лишь как доказательство его виновности. Так, материал по Константинову из базы АИПС “Экстремист” рассекречен для доказательства вины Д. Константинова. Однако он содержит лишь информацию о его активной политической деятельности, о такой же деятельности многих его друзей и знакомых. Содержит данные о пикетированиях в его поддержку, проводившихся после задержания Константинова (т. 10, л. д. 110–112).

И наоборот, ходатайство адвоката Д. В. Зацепина о приобщении к делу видеозаписи выступления Д. Константинова 23.02.2012 года на митинге Российского общенародного союза, где Константинов выступил как политический деятель широких патриотических взглядов, с четкой гражданской позицией, не являющейся антиобщественной и не несущей никаких призывов к насильственным действиям, было следователем отклонено. Впрочем, само постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, подписанное следователем Алтынниковым, должно повергать кого угодно в смущение. Документ называется “Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства”, но в самом документе написано, что, рассмотрев ходатайство защитника о приобщении к делу видеозаписи, придя к выводу, что видеозапись не содержит сведений, имеющих доказательственное значение для уголовного дела, следователь постановил: “Удовлетворить ходатайство защитника Д. В. Зацепина” (т. 8, л. д. 197).

Что это? Небрежность или уверенность, что по делу приговор уже предreshён, и суду для его оформления нужны лишь тома любой макулатуры, даже самой халтурной?

Впрочем, возьмите само Обвинительное заключение. На с. 32 в прилагаемой справке по делу следователь Алтынников отметил, что “потерпевший Темников А. Н. с материалами уголовного дела не ознакомивался”. Между тем, Алексей Николаевич Темников убит 03.12.11 года. Вот и думаешь: то ли столь серьёзные опечатки, касающиеся человеческих судеб, стали у нас обыденным явлением, то ли следствие реально рассчитывало, что покойный тоже должен ознакомиться с итогами расследования его убийства.

А возьмите беспрецедентное шоу с художественным исполнением рисунка ножа, которым, возможно, был убит Темников! Заявляя (и не с первой попытки), что увидел в руке Константинова “что-то блестящее”, Софронов под творческим руководством следствия даже это “что-то блестящее” 24.07.12 года нарисовал, после чего “это что-то” стало фактически кухонным ножом с лезвием в 20 см. И этот рисунок сомнительного исполнения всерьёз предьявляется свидетелю и суду как доказательство наличия у Константинова орудия убийства.

Кстати, откуда следствие сделало вывод, что Д. Константинов вытащил из кармана принадлежащий ему нож? А может быть, он его взял из чьих-то рук? Чем доказано то, что он что-то вытаскивал из кармана (я сейчас даже не возвращаюсь к вопросу, что Д. Константинова не было на месте преступления – убийца-то был)? И откуда следствие сделало вывод, что у Константинова вообще есть принадлежащий ему нож? Где справки, показания? Ничего в деле нет!

А вспомните нелепо выбритые виски свидетеля Софронова перед дачей показаний в суде! Зачем следствие организовало этот театр? Ни на одной из сделанных ранее и имеющихся в деле фотографий А. А. Софронова у него нет подобной причёски. Более того, она имеет очень далёкое отношение к традиции панков, очевидно, ни парикмахер, ни куратор Софронова в силу халтурной торопливости не стали искать внятное изображение реального панка для эталона. Зачем и кому понадобилось стричь Софронова перед судебным заседанием? Он что, проникся столь высоким пиететом к суду, что помылся, побрился и подстригся? Софронов не мог подстричься сам, потому что прекрасно понимает, что вору нужна незаметность, что столь нелепая, но бросающаяся в глаза причёска будет ему помехой в следующих кражах. Судя по всему, он продолжает рассчитывать за условные судимости.

Фактом, подтверждающим фальсификацию доказательств по делу Константинова, стал многомесячный отказ следствия от сотрудничества с защитой, прежде всего, в проверке заявленного алиби обвиняемого.

На протест по поводу непредоставления в суд материалов, связанных с заявленным алиби, майор юстиции Маркосян В. В., отказывая в ходатайстве, хладнокровно написал: “Уголовно-правовым законодательством не регламенти-

ровано, какие именно материалы уголовного дела должны прилагаться к ходатайству о продлении срока содержания под стражей. Суду, рассматривающему заявленное ходатайство о продлении срока содержания Константинова Д. И. под стражей, материалов уголовного дела, представленных в суд, было достаточно для принятия законного и обоснованного решения” (т. 3, л. д. 16).

Адвокат Д. В. Зацепин на прошлом заседании блестяще доказал многочисленные фальсификации при “опровержении” алиби Д. Константинова, например, сфабрикованность ленты контрольно-кассового аппарата ресторана “Дайкон” за 3 декабря 2011 года. То, что следователь Алтынников преднамеренно, в целях поставить под сомнение алиби обвиняемого, отказался изъять и официально исследовать одежду Д. И. Константинова и его супруги, в которой они были в ресторане на дне рождения матери обвиняемого, Константиновой Г. А., 03.12.11 года. Именно в этой одежде они запечатлены в тот день и в том месте на сделанных и имеющихся в деле фотографиях. А представленные защитником Д. Зацепиным доказательства покупки этих вещей в 2011 году исключают возможность датировать имеющиеся в деле фотографии 2007 или иным более ранним, чем 2011, годом.

Не буду повторяться: я подчёркиваю лишь умысел следствия.

Эксперт МВД РФ, отнюдь не защиты, официально подтвердил, что возможность фальсификации фотографий исключена, что их дату технически установить невозможно — всё это следствием демонстративно игнорируется. А ведь на фотографиях, предшествующих сделанным 3.12.11 году, запечатлены и другие страницы жизни семьи Константиновых, имевшие место в 2011 году. Ничего не проверяется!

Объяснение может быть только одно: политические заказчики уголовного осуждения Д. Константинова сидят в столь серьёзных креслах, что следственная бригада, работавшая по делу Константинова, их боится больше, чем ответственности за преднамеренную фальсификацию уголовного дела. Отсюда и беспрецедентные заявления следователя Алтынникова в суде: может быть, и был Константинов в ресторане, а может быть, и не был, может быть, там были свидетели, а может быть, их и не было. И это позиция руководителя следственной группы, официально завершившей расследование!

Следствие, не дав должной и своевременной оценки алиби Д. Константинова, уже неоднократно вводило в заблуждение суд, добиваясь продления содержания обвиняемого под стражей.

Социогуманитарное исследование от 20.11.2012 года, сделанное экспертом Дубровским Дмитрием Викторовичем, подтвердило, что Константинов Д. И. является одним из лидеров национального крыла протестного движения в России, умеренным националистом, организатором многих протестных акций. Эксперт подтвердил и политическую составляющую расследования уголовного дела № 701310, указав на наличие в составе оперативной группы представителя центра по борьбе с политическим экстремизмом, и наличие угроз, ранее поступавших в адрес Константинова Д. И. Допрос специалиста Дубровского Д. В. был и в судебном заседании, в ходе которого он вновь подтвердил сделанные выводы (т. 8, л. д. 203–225).

Константинов Даниил Ильич с полным на то основанием уже признан политзаключенным Правозащитным центром “Мемориал” и Союзом солидарности с политзаключенными, что подтверждено соответствующим документом (т. 12, л. д. 20).

Политический вывод из дела Д. И. Константинова однозначен.

Обвинение Константинова Д. И. в совершении уголовного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, продолжающееся вопреки наличию подтверждённого в ходе судебного заседания алиби, может быть объяснено только преследованием Д. И. Константинова за его принципиально либеральные и национально-патриотические убеждения, активную оппозиционную политическую деятельность.

Важен и общеправовой вывод из дела Д. И. Константинова.

Дело Д. И. Константинова может выступать в качестве образца грубейшего нарушения конституционных прав и свобод граждан России, ярким примером попрания норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, ратифицированной Российской Федерацией и ставшей частью нашей правовой системы.

При возбуждении и производстве предварительного следствия нарушены 2 статьи Конституции Российской Федерации.

Ст. 29 Конституции РФ: “1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова... 3. Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них”.

Ст. 31. “Граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования”.

По настоящему уголовному делу мы сталкиваемся с нарушением статей 9, 10 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Ст. 9 гласит: “1. Каждый человек имеет право на свободу мысли...; это право включает свободу менять религию или убеждения и свободу... придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом...”

Ст. 10 гласит: “1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию или идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ”.

Ст. 11 гласит: “1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации с другими”.

Кроме того, следствием нарушен п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой “каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

...b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

...d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него”.

Как установлено судом в ходе судебного следствия 10 декабря 2013 года, при ознакомлении с материалами дела обвиняемому не было предоставлено возможности прослушать и просмотреть приобщенные к делу и использованные следствием при допросе свидетелей и выработке обвинения в адрес Константинова Д. И. аудио- и видеоматериалы. Судом были приняты меры к ознакомлению обвиняемого Константинова Д. С. с указанными материалами дела, и обвиняемый максимально пользуется этой возможностью, однако это произошло только в середине декабря 2013 года, когда судебное следствие было закончено и начались судебные прения, что принципиально ограничило право обвиняемого на защиту.

К сожалению, и при производстве судебного следствия имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, который гласит: “Каждый человек имеет право при... рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”.

Указанная статья предусматривает 6 оснований для исключения из общего правила гласности судопроизводства:

- по соображениям морали;
- по соображениям общественного порядка;
- по соображениям государственной безопасности в демократическом обществе;
- когда того требуют интересы несовершеннолетних;
- для защиты частной жизни сторон;
- при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

Из материалов дела следует, что допрос свидетеля Софронова, проведенный 22.11.2013 года в закрытом заседании, и, тем более, обсуждение тоже в закрытом порядке самого ходатайства прокуратуры о проведении закрытого заседания, не подпадают ни под одно исключение, предусмотренное в ст. 6, следовательно, имеет место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

Европейский суд по правам человека в решении по делу “Претто и другие против Италии” от 8 декабря 1983 года подчеркнул: “Публичный характер судопроизводства, о котором говорится в ст. 6 п. 1, защищает тяжущихся от

тайного отправления правосудия вне контроля со стороны общественности; он служит одним из способов обеспечения доверия к судам, как высшим, так и низшим”.

Как подчеркнул ЕСПЧ в своём решении по делу “Ле Конт, Ван Левен и Де Мейр против Бельгии” от 23 июня 1981 года, разбирательство в случаях, не предусмотренных исключениями, указанными в ст. 6 Конвенции, не будет нарушением Конвенции, если проходит при закрытых дверях “с согласия заинтересованного лица”.

В нашем случае такого согласия не было, напротив, и обвиняемый Д. Константинов, и защита настаивали на допросе свидетеля в открытом судебном заседании. Тем самым при судебном рассмотрении дела нарушена и ст. 123. Конституции РФ, согласно которой “1. Разбирательство во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом”.

Таково было моё выступление в прениях. Исходя из всего вышеизложенного, я попросил Суд остановить маховик политического преследования Константинова Даниила Ильича и в частном определении дать оценку действиям лиц, виновных как в фальсификации уголовного дела в отношении Константинова Д. И., так и в том, что настоящий убийца Алексея Темникова до сих пор находится на свободе и, вероятно, продолжает свою преступную деятельность.

В отношении же Константинова Даниила Ильича просил Суд вынести оправдательный приговор за отсутствием в его действиях состава преступления.

Федеральный судья не рискнула вынести ни обвинительный, ни оправдательный приговор. 26 декабря 2013 года, более чем через два года после убийства А. Темникова и через 20 месяцев после взятия под стражу Д. И. Константинова, суд вернул дело прокурору.

Фактически было удовлетворено наше ранее неоднократно заявлявшееся ходатайство, следствие показало своё банкротство, но оклеветанный молодой политик пока остался в тюремной камере. Наша борьба за его освобождение и реабилитацию продолжается.